потому что в славянском переводе хроники Малалы этого афоризма найти нам не удалось. Галицко-Волынский свод (XIII в.) отразился и на 1111 и 1114 гг. Повести временных лет южно-русского сборника выписками из Амартола и Малалы. Из относящихся сюда кратких слов Шахматова, брошенных вскользь, не ясно, к какому времени надо отнести внесение цитаты Малалы под 1114 г. Как будто выходит, что это внесение принадлежит Галицкому составителю XIII в., который именно и поместил выписку из Малалы в Повесть временных лет, начинавшую его свод. Если в данных словах Шахматова не видеть диалектической обмолвки или случайной неясности, то они противоречат положению, высказанному им еще в 1897 г.,[1] по которому хронографические выдержки (из Малалы) под 1114 г. Повести временных лет принадлежат ее редактору, работавшему в 1118 г. Несмотря на то, что тому же положению следует и акад. В. М. Истрин, говоря, что хроника Малалы в переводе уже была на Руси в начале XII в., потому что под 1114 г. второй (по Шахматову) редакции Повести временных лет помещены выдержки из этой хроники, все-таки, по нашему мнению, следует пересмотреть вопрос о двукратном (XII и XIII в.) или однократном (XIII в.) влиянии хроники Малалы на летопись.

Наконец, по словам Шахматова, Галицко-Волынский свод отразился рядом галицких событий (между прочим, 1145 г.) на 2-й части южно-русского сборника.

Южно-русская летопись, вошедшая в состав южно-русского сборника, составлена была из нескольких источников: главным же ее источником была, повидимому, летопись Черниговская, а местом ее составления, судя по преобладанию черниговских известий, — сам Чернигов, или Черниговская область. Судя по И., в ней содержались составленные черниговцем повести и заметки XIII в. (стр. 157—161). К этой Черниговской летописи Шахматов относит довольно много галицких известий первой половины XIII в., вошедших частию в южно-русский сборник XIII в. (т. е. в Ипат. л.), поясняя это отнесение так: „причина, почему в Черниговской летописи так много места уделено галицким событиям, заключается в том, что черниговские Игоревичи, по родству своему с угасшей линией галицких князей (их мать была дочерью Ярослава Осмомысла), предъявили права на Галич и погибли там в 1211 году. Кроме того, Михаил Всеволодович черниговский был женат на сестре Даниила Романовича, и это, в связи с политическими отношениями, усиливало интерес черниговца к Галичу“. Считая повесть о Калкской битве южно-русского сборника принадлежностью Черниговской летописи, Шахматов объясняет находящуюся в этой Повести похвалу Даниилу Романовичу тем, что он был шурином Михаила Черниговского (стр. 161—162 и 162, прим. 1 и 2).

Судя по другим летописям (т. е. кроме Ипатьевской), на которые влияла та же Черниговская летопись, она 1) была доведена до 1284 г.; 2) начиналась Повестью временных лет особого вида (стр. 163), „более полной, а отчасти, может быть, более древней редакции, чем та, которая сохранилась в Суздальских сводах, и, под влиянием одного из них,

[1] Хронология древнейших русских летописных сводов (ЖМНП, 1897, апрель, стр. 476, прим. 2): „Кроме сочинений Мефодия Патарского, Ипполита папы римского, Епифания Кипрского, ему (т. е. второму редактору Повести временных лет, писавшему в 1118 г. — стр. 464) был известен и какой-то греческий хронограф (ср. Ипат. 1114 г.)“. То-есть Шахматов здесь разумеет ссылку Ипат. на „фронограф“, оказавшийся, по определению Истрина, компилятивным славянским хронографом с Малалой (см.: В. Истрин. Хронограф Ипатского списка летописи под 1114 годом, — ЖМНП, 1897 ноябрь; Хронографы в русской литературе, Виз. Врем., т. V, в. 1 и 2, 1898, стр. 135)